

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЮБИЛЕИ

Ангелина СТЕПАНОВА

ВЕЧНОЕ СЛУЖЕНИЕ ТЕАТРУ

В эти дни отмечает свое 90-летие Московский Художественный академический театр СССР имени М. Горького — являясь не только русской советской, но и мировой культурой. Без Художественного театра невозможно представить себе культурную жизнь России начала века, без него немалым театральным процесс в наши дни.

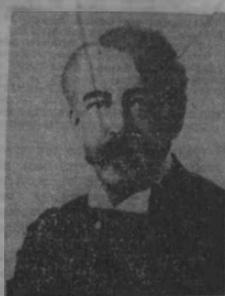
МХАТ хранит верность традициям русского реалистического искусства и в то же время чутко отделяется на требования современности. Творческая совокупность спектаклей МХАТа навсегда останется в нашей культуре, живо воздействуя на духовную жизнь общества, равно как и сами поиски театра, его конфликты и драмы.

Объективна реальность такова, что сегодня в полномправной самостоятельности живут и напряженно работают два МХАТа — сцена в проезде Художественного театра и сцена по улице Москва. Ситуация, бесспорно, непростая, неоднозначная. И лишь время даст возможность понять, по какому пути пойдут они, увидеть, как сложатся их творческие судьбы.

Ну а сказать юбилейное слово, поделиться мыслями в связи с 90-летием родного театра «Литературная Россия» попросила человека, начинающего в его стенах свой 64-й театральный сезон — народного артиста СССР Героя Социалистического Труда Ангелину Иосифовну Степанову. Она не просто одна из старейших Московского Художественного театра: ее высокое искусство восходит к незабываемым урокам его великих основателей — Константина Сергеевича Станиславского и Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

Пусть же их заветы, заложенные ими художественные и этические традиции осеняют и ведут обих театр, у которых ныне один общий юбилей.

людям «самодельных» профессий. И в первых своих репетициях горный воздух театра не разряжался: там, мол, в свой высокий час — искусство, а здесь, за кулисами, — жизни с ее насы-

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ

В. К. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

НИКОГДА не забуду, как в 1924 году девятнадцатилетней девочкой оказалась в труппе МХАТа. Я тогда училась на последнем курсе в студии Е. Б. Вахтангова. В «Красной комнате» — в маленьком зале, вмещавшем сто человек, — мы показывали спектакль по малоизвестной повести Ч. Диккенса «Битва жизни». На просмотре присутствовала Ва. И. Немирович-Данченко. После он предложил несколько студийкам, в том числе и мне, войти в труппу Художественного театра, а тот период нуждался в «молодежи» актерского состава. Выбор мой был сделан навсегда. Начались годы постоянного труда, самоопределения и самопродвижения, поисков и открытий, провалов и взлетов.

Я счастлива, что четырнадцать лет работала со Станиславским, слушая его голос, стараясь воплотить на сцене его творческие замыслы. Помню, как репетировала вместе с ним роль княжны Мстиславской в трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», с премьеры которой, кстати, и начался Художественный театр в октябре 1898 года.

Существует легенда, что каждый актер буквально являлся репетировать со Станиславским. Это не совсем так. Боялись, боялись нескладно. Не столько работы до изнеможения — театру тогда без всяких преувеличений отдавались все время и все силы, — сколько собственного несовершенства рядом с учителем. Как трудно было ему угодить, заслужить похвалу! Крайне требователен был, даже жесток, если дело касалось плохой игры или разбушевавшихся амбиций. Прав был Немирович-Данченко, когда говорил, что театр построен на раздвоенных самолюбиях. Станиславский не терпелся «спрыскиваться», составлял против всего позаного, ни грамма не на сцене, вытаскивал «жизни» из актеров, требовал естественности, психологической достоверности. Но как складывались потом плоды этой работы — стоящий воздавался нам на спектакле за муки репетиций!

В то же время ничем не оправдан взгляд на Станиславского как на некий раз и навсегда определившийся, застывший канон в искусстве. Напротив, созданная им система внутренне глубоко диалектична, склонна к саморазвитию в зависимости от поступательного движения, времени, истории, культуры. Неправда и то, что Станиславский был слеп и глух ко всему, что не совпадало с его представлениями о прекрасном. Уверенно шагая по избранной для себя дороге, он с интересом следил за ее отклонениями, за возникновением новых путей в искусстве, сам умев учиться и перенимать опыт. Вот почему мы и поныне спорим о том, что нужно прежде всего сегодняшнему МХАТу — вернуться к «чистому» Станиславскому (от репертуара до внутренней атмосферы) или же создавать новые театральные формы. Не «вернуться» к Станиславскому, а идти в будущее вместе со Станиславским.

А вот о внутренней атмосфере хочется поговорить особо. Современный театр превратился в слоеный пирог. Вот режиссерский Олимп, вот актерская элита (в которой свои слои), ниже — художники, костюмеры, тримеры, еще ниже — монтировщики, рабочие сцены. Ничего подобного не было при Станиславском. Каждый «вникать» в театре был равно значительным, равно необходимым. Выдади он — и весь творческий организм разладится. Каждый понимал это.

Вспоминую, в какой атмосфере взаимного уважения мы работали, как корректны были создатели театра по отношению к молодым актерам, в

ним хлеба» (а ведь жилось тогда в бытовом отношении гораздо труднее). Нет! Таинство театра, благовония перед ним продолжались. Помню, сколько радости приносило нам одно только общение с М. А. Бугаковым, чай удивительный человеческий облик навсегда останется в моем сердце. «Этот мир мой» — так мог сказать он лишь с одним духом тогдашнего МХАТа, а не об одних его спектаклях и репетициях.

В чем секрет? Думаю, в самой сути отношения к театру, к делу, которое ты для себя в жизни выбираешь. Не служба в театре — СЛУЖЕНИЕ театру. Всегда. Каждое мгновение. Не провода черту: вот это моя жизнь в искусстве, а это — во всем остальном. Именно таким и был театр Станиславского и Немировича-Данченко. Таким и хотелось бы видеть его будущее.

Рез прилап к этому светому кастальному источнику, мы оставались верны ему навсегда. Я не помню, чтобы кто-то, даже в самые тяжелые для театра времена, в 20-е годы, ушел из труппы. Каждое утро мы приходили в свой театр, готовились и премьеры, с трепетом выходили на сцену...

Мне бесконечно дорога через все годы пронесенная традиция мхатовской режиссуры, не прибегающей к постановочным эффектам, а приближающей зрителя к философскому проникновению в жизнь.

МХАТ вошел в историю и как первый (а может быть, и единственный) театр, возвысившийся до великой русской литературы и затем воплотивший на сцене лучшее из созданного советской литературой. Ведь театр — великое опосредование — тот же оркестр, исполняющий драматургическую симфонию. Очевидно, что плохое исполнение искажает музыкальное произведение. Очевидно и то, что искусство сценическая игра способна подарить литературному произведению второе рождение. Благодаря МХАТу как бы по-новому вошли в нашу жизнь сочинения Чехова, Горького, Гоголя, Достоевского, А. Толстого, Диккенса, Гюлльмана, Ибсена...

Особой вехой в жизни МХАТа явилась Октябрьская революция, поставившая перед ним новые исторические и культурные задачи. Потребовалось время, чтобы понять новую действительность, почувствовать нового зрителя. Пьесы Вс. Иванова, К. Тренява, Н. Подгудина, А. Афиногенова отражали сложные процессы формирования новых взаимоотношений между людьми. Незабываемы и спектакли военного времени: «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Глубокая разведка» А. Крона.

Впрочем, в течение всей истории своего существования МХАТ обращался в современной драматургии, нащупывая пульс времени, отличаясь на самые острые его противоречия. Вот и сейчас наш коллектив с глубокой заинтересованностью работает над спектаклем по пьесе А. Петрушевской «Московский хор», где вместе играют четыре актрисы старшего поколения: С. Гараля, В. Деметьева, С. Пиллявская и я.

В умении чутко воспринимать проблемы сегодняшнего дня и в то же время хранить верность неизбывным духовным ориентирам «парого разумного, нравственного, общедоступного театра» — вижу в пьесе жизнеспособности МХАТа.

Хочется пожелать театру серьезной высокохудожественной драматургии, отвечающей его задачам и традициям, вымещающей его творческие резервы. И, конечно же, — тонкого, умного, сопереживающего зрителя.

А. П. ЧЕХОВ и А. М. ГОРЬКИЙ. Ялта, 1900 г.